

Александр В. САВЧЕНКО
Санкт-Петербург

**Элементы „военного языка” в структуре
художественного произведения (на материале
романа Й. Шкворецкого *Танковый батальон*)**

В центре данного исследования находится одна из разновидностей языка как системы и средства коммуникации – так называемая *армейская/военная речь* (или *военный язык – военяз*), т.е. особенности языкового выражения одной из социальных подсистем – армии.

1. О терминологической номинации понятия *военный язык*

Одной из отличительных особенностей института армии как закрытой социальной подсистемы является свойственный ей особый специфический язык. Специфика этого языка главным образом заключается в ёмкости, лаконичности формулировок, чёткости изложения содержания сообщения. Все перечисленные качества, которыми обладает этот язык, обуславливают определённые ситуации и правила его употребления, а также некоторые особенности мышления, логики и формы языкового выражения военных, тесно связанные с повседневной службой военнослужащих.

Специального унифицированного термина, который бы однозначно определял характер и суть данного явления, был бы закреплён за этим особым способом языкового выражения, пока не существует. Однако в работах российских и чешских филологов, касающихся вопросов языкового выражения в армии, можно встретить попытки терминологических номинаций рассматрива-

емой разновидности языка. Так, например, М. Т. Дьячок, рассматривая армию в качестве одной из социальных подсистем, использует термин *язык социальной подсистемы*. При этом он определяет язык данной подсистемы как *арго*. Данное терминологическое определение нам кажется не вполне адекватным, т.к. аргю в таком понимании – это лишь особый стиль узкопрофессионального общения между военнослужащими, „причём наиболее активно аргю используется в речевых актах, касающихся повседневного быта военнослужащих. Специфика солдатского быта, существующие в армейской среде традиции, своя система материальных и этических ценностей приводят к появлению лексики, характерной именно для солдатского аргю и обозначающей, как правило, бытовые реалии”¹. Таким образом, этот термин, скорее, относится к неформальной, „неуставной” форме общения внутри данной подсистемы и не может быть использован по отношению ко всей совокупности свойств, характеристик и областей употребления данной разновидности языка (например, язык Устава, команд, рапортов и других официальных военных документов). Б. Л. Бойко в свою очередь разделяет такое армейское аргю на *профессиональные жаргонизмы* и *профессиональные арготизмы*. При этом он пользуется обобщающим термином *военно-профессиональная речь*, представляющийся более удачным и вполне приемлемым для терминологической номинации рассматриваемого явления в целом².

С последним приведённым терминологическим обозначением близко перекликается термин, которым пользуется чешский исследователь П. Пеняз. Он предлагает термин *военная речь* (*vo-*

jenská mluva). Термином *военная речь* П. Пеняз обозначает „совокупность всех языковых средств, представляющих отклонение от литературной или стилистической нормы, однако, несмотря на это, в военной среде считающихся допустимыми или предписанными”³. Под этим понятием он рассматривает:

1. Литературный военный язык:
 - а) письменный;
 - б) разговорный;
2. Социальная военная речь:
 - а) профессиональная речь;
 - б) сленг (арготический сленг).

П. Пеняз также делает оговорку, что „профессиональная речь – это употребление терминов и терминологических сочетаний, связанных с определённой профессией или сферой деятельности (здесь армия), назначение которых – сделать высказывание лаконичным”. Под сленгом автор понимает „совокупность лексических и фразеологических средств, не имеющих терминологического характера и являющихся компонентом языковой игры, с помощью которой говорящий в определённой социальной среде (здесь в военной) специфицирует и по-особому выражает своё отношение к сообщаемому”⁴.

Говоря о различиях между письменным литературным военным языком и разговорной формой военного литературного языка (*psaný spisovný [vojenský] jazyk – hovorová podoba vojenského spisovného jazyka*), Пеняз пишет:

Письменная форма литературного языка выделяется престижной чертой официальности, которая, с одной стороны, достигается максимальным обезличиванием, с другой стороны, с помощью автоматизации⁵.

¹ М. Т. Дьячок, *Солдатский быт и солдатское аргю*, „Русистика” 1992, № 1, с. 41.

² Подробнее см.: Б. Л. Бойко, *Экспрессивная лексика русской военно-профессиональной речи*, [в:] *Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции*, Москва 2001, с. 17–18.

³ P. Peňáz, *Poznámky k češtině ve vojenském prostředí*, „Naše řeč” LXX, 1987, č. 3, s. 131.

⁴ Там же, с. 132.

⁵ При этом Пеняз подчёркивает, что факт использования формы 1 л. ед. ч. в формулировках ряда военных документов не нарушает, а даже наоборот под-

Разговорная форма письменного военного языка, по мнению Пеняза:

[...] отличается меньшей степенью автоматизации и вербализации, что обусловлено тем, что большинство устных высказываний (в отличие от письменных) преследуют конкретную цель, а также большей синтаксической свободой (контаминации, анаколоты, зевгмы), что объясняется удивительно малой способностью говорящих ориентироваться в правильном синтаксическом и функциональном построении предложения⁶.

Принимая за основу вышеизложенные теоретические положения и термины, мы, тем не менее, предлагаем ввести термин *военный язык* или *язык военного обихода*, т.к. понятие *военная речь*, как нам кажется, больше подходит для описания лишь устной формы языка. Правомочность данного наименования можно обосновать и опираясь на работу другого чешского автора – Б. Когоута, использовавшего в своей статье термин *военный чешский язык* (*vojenská čeština*)⁷.

2. Официальный язык военного обихода в художественном тексте

Главным документом, регламентирующим правила и порядок несения воинской службы и содержащим конкретные речевые обороты, является Устав воинской службы. Язык этого Устава, для которого характерны ёмкость, лаконичность формулировок, чёткость изложения содержания сообщения, можно считать эталоном официального языка военного обихода. Шкворецкий иронически называет этот язык „řádový otčenáš” – „уставной Отче Наш”. Естественно, что в повседневном языке армейского

чёркивает эту черту обезличивания, т.к. „за этим 1 л. ед. ч. стоит не конкретная личность соответствующего командира, а целый ряд административных работников, защищённых его »ранжирным полномочиём«” (с. 136).

⁶ Там же, с. 138.

⁷ B. Kohout, *Příručka pro vojiny. Recenze*, „Naše řeč” XVIII, 1934, č. 9, s. 273–275.

обихода этот „эталон” существенно преобразуется, взаимодействуя с народной речью. Можно отметить несколько типов такого воздействия, где элементы официального языка употребляются в виде своеобразных цитат:

- 1) цитация положений Устава,
- 2) формулировки приказов, команд, рапорты и т.д.,
- 3) выдержки из других военных документов (сводки, донесения, отчёты и т.п.).

К области военного языка можно также отнести названия военной документации, устойчивые речевые обороты – штампы и клише, свойственные этому языку или рождённые под его влиянием, а также стилизации „под военный язык”. В данной статье мы ограничимся лишь анализом цитаций положений Устава и формулировок сообщений (в частности приказов, команд, донесений).

Основной функцией цитации фрагментов военного языка, как в любом произведении военной тематики, является погружение читателя в атмосферу повествования. Элементы армейского языка, на котором осуществляется официальное общение между военнослужащими, представлены в романе в виде выдержек из письменных военных документов и в форме устных сообщений, цитируемых в тексте. Основным составляющим такого рода документации являются различные военные понятия, устойчивые сочетания и обороты. Смысловое наполнение, содержание таких документов зависит от конкретной поставленной боевой задачи, например:

[kapitán] Došel na cestu a posvětil si baterkou na plánskonspekt: „23.30–4.00 osádky provedou okopové práce a zamaskování bojových vozidel, 4.30–4.50 pohotovost k vyražení k útoku, 4.50 zahájení dělostřelecké přípravy, 5.00 vyražení k útoku” (с. 16)⁸.

В данном отрывке в качестве единиц военяза выступают устойчивые обороты, свойственные языку армейского дискурса:

⁸ Здесь и далее цит. по: J. Škvorecký, *Tankový prapor*, „Galaxie”, Praha 1990.

provádět okopové práce, zahájení dělostřelecké přípravy, vyrazení k útoku.

Многие положения, изложенные в Уставе, должны были выучиваться наизусть и цитироваться в случае необходимости. Пример такого цитирования обнаруживается в тексте романа Шкворецкого:

[kapitán] Mechanicky se dal do odřikávání řádového otčenáše: „Tankový prapor je v úplné bojové pohotovosti, jestliže všechna vozidla i jejich osádky jsou v úplné bojové pohotovosti, to znamená, jestliže všechny osádky jsou úplné a zdravé, jestliže v každém tanku je předepsaná zásoba střeliva, pohonných látek, mazadel a proviantu, jestliže zbraně jsou řádně zrektyfikovány a ošetřovány]” (с. 26).

Читате положения Устава предшествует ироническое пояснение действия и его характера: *mechanicky se dal do odřikávání*, уподобление самого основополагающего военного документа библеизму – *řádový otčenáš*.

К случаям цитирования Устава относятся также воспроизводимые военными рапорты и доклады, форма которых приводится непосредственно в Уставе. Вот образец рапорта военнослужащего, находящегося на боевом дежурстве, старшему по званию офицеру (цитату предваряет ироническое замечание автора о характере произнесения доклада – *se zupáckou rutinou starého mazáka*. Такими комментариями сопровождаются практически все вводимые автором цитации уставных положений):

[zaznělo] hulákané hlašení, pronášené se zupáckou rutinou starého mazáka: „Soudruhu kapitáne, po dobu mé služby u Sedmého tankového praporu se nic zvláštního nestalo. Setnina se nachází v přípravě na polední odpočinek. Dozorčí setniny četař Fürbach!” (с. 92).

При неизменной структуре данного сообщения (подчёркнутые компоненты), меняется лишь указание на звание конкретного военнослужащего: кому и кем отдаётся рапорт, место и характер личного состава, где дежурный несёт свою вахту.

Обязательным элементом уставных отношений между военнослужащими является доклад младшего по званию офицера

старшему, в котором первый сообщает об обстановке во вверенном ему подразделении и о том, чем данное подразделение занято в данный момент:

[poručík Hospodin] Zařval: „Pozor!” učinil dva dupaté kroky ke kapitánovi [...] a hlásil: „Soudruhu kapitáne, kandidáti ef ó při provádění zkoušek ef ó! Počet přítomných třicet pět. Výchovní náčelník, poručík Hospodin!” „Velte pohov”, pravil Matka [...] (с. 123).

Этот пример не просто иллюстрирует будничную жизнь военных, но и доносит до читателя некоторые реалии времени, в которое происходит действие. Речь идёт о характере деятельности, которым заняты солдаты и о котором докладывает их командир вышестоящему начальнику: проведение экзамена на значок Фучика (FO – Fučíkův odznak – ef ó, аналог значка ‘отличник боевой и политической подготовки’ в Советской Армии). С чисто лингвистической точки зрения, этот фрагмент содержит устойчивый оборот *provádění zkoušek* и военную должность-реалию *výchovní náčelník* (ср. с должностью в Советской Армии: *начальник по боевой и политической подготовке*).

Следующий элемент военного языка в романе представлен цитированием команд. Вот образец цитирования команды в соответствии с Уставом, касающейся правил выполнения определённых действий:

[kapitán Matka] Postavil se před tanky do pozoru a zařval hlasem alkoholického tutora: „Prrápore – pořadí první, druhá, třetí, čtvrtá rota – v sraz po osádkách nastoupit!” (с. 61).

Шкворецкий в данном случае подчёркивает и фонетическую особенность языкового выражения в армии – удвоенный (в речи – акцентированный) согласный *r*, *á* (в лит. яз. краткий *a*). Как и в ряде предыдущих примеров, автор вводит дополнительный комментарий, ироническую ремарку относительно характера звуковой подачи команды: *zařval hlasem alkoholického tutora*, что способствует усилению экспрессивности описания.

Приведённые выше примеры фрагментов официального языка военного обихода максимально приближают читателя к по-

вестованию, казённый военный язык способствует созданию эффекта незримого присутствия: читатель „слышит” команды, внимательно следит за дальнейшим развитием действия. Однако такие элементы играют у Шкворецкого не только (и не столько) роль языковой единицы-реалии военной службы, свойственной для любого произведения на тему армии. Даже те отрывки текста, которые были приведены в качестве образца цитирования непосредственно самих элементов этого языка, показывают, что их нужно рассматривать на фоне общего контекста данного эпизода. Так, в ряде приведённых выше примеров автор повествования предваряет, сопровождает или завершает цитирование определённого элемента военного языка ироническим комментарием. При этом ирония и комизм подчёркиваются не только комментариями Шкворецкого – во многих случаях порождению этого эффекта способствует изначальная нелепость ситуации. Ярчайшим примером такого рода является следующий эпизод романа (офицер во время несения боевого дежурства застигнут своим начальником с полуобнажённой женщиной):

Podporučík Malina [byl] v rozepjaté blůze a v kalhotách s otevřeným poklopem, bez čepice, bez revolveru, a poučil na Malinkatého ďábla poměnkové oči. [...] Potom se však podporučík Malina, očividně zpitomělý strachem, vzpřiml do latě a zvucným hlasem se zahlásil: „Soudruhu majore, po dobu mé služby v posádkovém vězení se nic zvláštního nestalo. Velitel stráže, podporučík Malina” (с. 161).

Цитирование уставного доклада старшему по званию офицеру на общем фоне повествования является средством создания стилистического контраста.

Эффект иронии достигается Шкворецким и иными способами. В примере:

Tam [v učebnách praporu] měli z lavic a z latrín „odstranit vzhledem k nastávající prověrce bojové připravenosti politicky nevhodné nápisy” (с. 235).

приводится выдержка из военного документа – приказа. Ирония заложена в самом содержании, а сухой военный стиль (сочетания *odstranit nápisy*, *vzhledem k prověrce*) усиливает абсурдность отдаваемого распоряжения (*odstranit politicky nevhodné*

nápisy). С лексической точки зрения из данного примера можно вычленить русизмы-кальки *nastávající prověrka* и *bojová připravenost*. Рассмотренный пример можно отнести к „эпохальным”, отражающим реалии своего времени.

Противоположным по контекстуальной ситуации, но близким по экспрессии будет следующий фрагмент:

Nágy vydal nový povel: „K počtě zbraň!” Dvaadvacet vězňů vytáhlo na ten povel z rozepjatých poklopců pohlavní údy a přidrželo je do uličky. Četařka z povolání Marie Babinčáková [...] prošla hrdě až k toaletě. Většina údů zareagovala na její zadeček v zelených tepláčkách. Ve dveřích ústranní četařka se otočila a řekla: „Pánové, můžete si dát k noze zbraň” (с. 150).

Здесь ключевым моментом комизма является противопоставление команд: *K počtě zbraň!* *č K noze zbraň!*⁹ В первом случае мужчины используют команду как шутку, желая посмеяться над (единственной) присутствующей среди них женщиной. В ответной фразе героиня насмехается над их „мужским достоинством”. При этом главный смыслообразующий компонент этих команд – слово *zbraň* (*оружие*) в обоих случаях выступает в качестве своеобразного эвфемизма: под ним в контексте подразумевается мужской детородный орган. На лексическом уровне также возникает некое „сочетание несочетаемого”: с уставным штампом сочетается вежливая форма обращения *pánové*, характерная для повседневной коммуникации вне пределов армии.

С точки зрения иронической доминанты и создания различных стилистических контрастов в определённых контекстах можно рассматривать так называемую „стереотипность военного мышления”, т.е., с одной стороны, невольные аналогии с различными положениями Устава, возникающие в сознании военных в определённых ситуациях, с другой стороны, произвольное (а в некоторых случаях умышленное) подражание стилю уставного языка военного обихода в устной речи.

⁹ Функциональным эквивалентом в русском языке могут служить команды: *Оружие на караул!* и *[оружие] К ноге!*

В ряде случаев цитаты различных положений из военных документов демонстрируют то, какой отпечаток накладывает на сознание военнослужащих изучение такого типа специальной военной литературы. Каждый солдат обязан знать и в случае необходимости чётко изложить определённое положение Устава. Тщательная проработка подобных текстов, заучивание и доведение до автоматизма при устном воспроизведении определённых положений и формулировок, содержащихся в этих документах, приводят к так называемой „автоматизации” или „алгоритмизации” сознания военнослужащего. Под этими терминами подразумевается своего рода стереотип, когда определённо складывающаяся ситуация способствует воссозданию в его памяти той или иной формулировки, которая бы соответствовала данной ситуации.

Введение в текст примеров такой „клишированности мышления” военных Шкворецкий использует в качестве ещё одного средства, создающего в определённом контексте стилистический контраст, эмоциональное и смысловое напряжение. Приведём пример:

[poručík] Už už si v duchu oddechl, když se odněkud z pozadí ozval chraptivý hlas: „Je polední vodpočinek!” prvním impulsem poručíka Prouzy bylo zjistit, kdo to řekl. Rozhodně to zjistit měl: byl to přečin mluvení v přítomnosti důstojníka bez jeho svolení (с. 83).

Определённое допущенное подчинёнными нарушение вызывает в сознании офицера цитату из соответствующего документа, определяющую характер данного нарушения. В своей фразе-сообщении о предписанном по Уставу роде деятельности подразделения в определённый момент времени (полуденный отдых) солдат использует словоформу *vodpočinek* с начальным протетическим *v-*, что свойственно обиходно-разговорному чешскому языку (*obecná čeština*); этот элемент „снижения” стиля дополнительно подчёркивает пренебрежение, негативное отношение солдата к офицеру.

Таким образом, различные элементы официального языка военного обихода, цитируемые Шкворецким в романе, играют роль не только неотъемлемого художественно-изобразительного средства, являющегося одним из главных текстообразующих элементов в произведениях, посвящённых военной теме, но и особым экспрессивно-выразительным средством, способствующим расширению смысловых границ текста. Такие элементы на протяжении всего текста подвергаются ироническому обыгрыванию разной степени экспрессивности. Это обыгрывание происходит, главным образом, благодаря авторским комментариям, которыми Шкворецкий сопровождает эпизоды, содержащие элементы военного языка. Суть этих комментариев, как правило, резко контрастирует с контекстом, содержащим единицы языка официального общения военных, из-за чего эффект иронии многократно увеличивается. Подобные иронические замечания, сопровождающие „сухие” по своему стилю выдержки Устава, в сочетании с которыми они создают яркие смысловые контрасты, являются особым приёмом Шкворецкого, отличительной чертой его языка и стиля.

Другим способом обыгрывания является несоответствие между вводимой цитатой и контекстуальным фоном действия. Это несоответствие представляет собой стилистический контраст между разными текстообразующими элементами данного отрывка, контраст между формой сообщения и его содержанием. В некоторых случаях ирония изначально закладывается самим героем как ответ на явную нелепость ситуации, в которой он оказывается.

Использование элементов официального языка военного обихода как одного из средств создания иронии имеет у Шкворецкого явную интертекстуальную соотнесённость. Традицию использовать такие элементы в качестве экспрессивно-выразительного средства заложил в чешской литературе Я. Гашек в своём романе *Похождения бравого солдата Швейка*. Шкворецкий, по сути, перенимает этот приём у Гашека, развивает его, исполь-

зуя разнообразные и разнородные по характеру способы обыгрывания подобных элементов в зависимости от контекста. Как и Гашек, Шкворецкий „компенсирует” однообразие и стилистическую „сухость” языка военных команд и сообщений разнообразием ситуаций, в большинстве своём изначально комических, где такие элементы способны создавать неожиданные коллизии, усиливающие комический эффект. Вместе с приёмом обыгрывания военных команд в определённом контексте, Шкворецкий, вслед за Гашеком, обыгрывает и сами команды: стилистически (подражание военному языку) и фонетически (фонетические трансформации, переданные на письме графически).

Шкворецкому, на наш взгляд, удалось в полной мере использовать синтаксические, лексические и другие особенности стиля и содержания различных элементов официального военного языка для создания в повествовании атмосферы аутентичности повествования, погружения читателя в атмосферу происходящего, при котором даже человек, не знакомый или малознакомый с реалиями армейской жизни, сможет составить представление об их характере. Вместе с тем, эти же элементы являются средством тонкого, порой едва уловимого юмора, и, взаимодействуя с остальным контекстом, приобретают яркий оценочный характер, способны вызывать улыбку, а зачастую смех читателя.

Исследование механизма функционирования единиц армейского языка может, по нашему мнению, способствовать более глубокому пониманию соответствующих процессов и в общенародной речи.